

дёт вызовов на поклонь, сидя в гримёрке. Наконец подходит к рампе, и аплодисменты усиливаются.

Алғабайт. - 2002. - март - с. 14-15.

ЖИЗНЬ на проволоке

Ирина Линдт:
«Поневоле начинаешь торопиться, стараешься успеть сделать как можно больше».

Б. Сысоев

Биография у Ирины Линдт короткая. Родилась в Алма-Ате в семье ссыльного немца, военного музыканта. Поступила в Казахстане на журфак, но втайне мечтала стать актрисой. Через год рванула в Москву в театральный. Взяли в "Щуку". Это было везение номер раз.

После окончания училища она, как и многие выпускники, не могла устроиться ни в один театр, но тут случилось везение номер два. В Москве в то время создавался немецкий театр под управлением ученика Юрия Любимова Эрвина Гааза. Ирину Линдт взяли туда фактически только из-за немецкой фамилии.

Спустя какое-то время её увидел Любимов, занимавшийся омоложением труппы. И почти сразу она получила серьёзные роли – Ксени в "Борисе Годунове", Лизы в "Подростке", Грушеньки в "Братьях Карамазовых". Но настоящий успех пришёл после любимовского спектакля "Марат и Маркиз де Сад". Её Шарлотта Корде ходила по проволоке и попеременно играла на скрипке и на трубе, свешивая с трапеции копну роскошных светлых волос.

В её жизни стал много значить коллега Валерий Золотухин. Они выступали с совместными программами, а затем даже сыграли вместе в спектакле Андрея Максимова "Моцарт и Сальери". Золотухин играл Сальери, она – Моцарта...

Два года назад с Ириной Линдт случилась беда. На репетиции "Хроник" Шекспира она, такая ловкая, оступилась и упала с трёхметровой высоты. Запросто могла погибнуть. Но обошлось переломами ключицы и правой лопатки, тяжёлым сотрясением мозга и порванными связками. Сейчас она играет в нашумевшем мюзикле "Норд-Ост" – ежедневно выходит

Сцена из спектакля «Норд-Ост».

на сцену в роли Марии Васильевны Татариновой. Каждый вечер её героиня в конце первого действия кончает жизнь самоубийством, после чего Ирина Линдт уходит в свою гримёрку и терпеливо ждёт вызовов на поклонь. Когда в конце этого вечера она подходит, наконец, к рампе и отвешивает поклонь зрителям, аплодисменты, как правило, усиливаются.

С актрисой Ириной Линдт беседует наш корреспондент **Глеб СИТКОВСКИЙ**.

– Ирина, вы по отцу немка. Наверное, вы по-немецки свободно говорите?

– Нет.

– Но вы же даже жили какое-то время в Германии!

– Но жили-то мы в военном городке, в русской среде. Отец у меня прекрасно говорит по-немецки. Но после войны были очень сильны антинемецкие настроения, и он из-за этого одно время даже хотел взять фамилию моей матери. "Не хочу, – говорил, – чтоб моих детей, как меня, дразнили фашистом". Так что

немецкий язык в семье у нас был не в ходу. Только когда жили у бабушки, мы с сестрой немножко понимали отдельные немецкие слова, читали какие-то немецкие стишки. Но немецким я стала заниматься только в Германии. Правда, это всё накладывалось на английский, который я учила в школе, так что в голове часто получалась каша.

– Подождите, а вы же после окончания Щукинского училища играли в немецком театре на чистом немецком языке?

– Так я и на английском играла, когда в Москве поставили мюзикл "Tomorrowland". Мне это, кстати, больше нравится, чем играть на русском. Когда играешь на неродном языке, даже всего чувствуешь суть профессии. Кстати, когда я репетировала в "Tomorrowland", англичане сказали, что у меня очень хорошее, даже аристократическое произношение.

– Вы строите свою артистическую карьеру как театральная актриса. В последнее время даже как актриса музыкального театра, если учесть то, что вас то и дело приглашают играть в мюзиклах. Но ведь вам, я думаю, совершенно ясно, что куда большую популярность актёру приносит кино. А в особенности телесериалы. Что же вы не снимаетесь совсем? Вы об этом даже не задумываетесь?

– Когда много работы, то нет времени думать об этом. У меня действительно всего одна главная роль в кино, в фильме Евгения Гинзбурга "Игра в любовь". Но даже и там у меня была музыкальная роль. Театр – все-таки более искусство, чем кино. Конечно, телевидение приносит больше популярности, но в творческом смысле театр – настоящее искусство. Театр просто-напросто даёт больше возможностей для профессионального роста.

– Допустим. Но вот возьмём "Норд-Ост" – настоящий крепкий мюзикл, но, соглашаясь на участие в этом проекте, вы не могли не отдавать себе отчёт в том, что вы на год вычёркиваете себя из другой жизни и теперь изо дня в день играете прекрасную, но одну и ту же роль.

– Вы правы, конечно. Но год – это ведь так мало. Он практически уже пролетел. Я выпустила премьеру, сыграла в грандиозном, интересном проекте, и уже хотя бы поэтому игра стоила свеч. Кроме того, я оговорила, что не уйду из Театра на Таганке.

– Как отнёсся к вашей работе Любимов? Как отпустил?

– Я взяла отпуск за свой счёт. Юрий Петрович отнёсся с пониманием. В январе отпуск кончился, и я снова играю на Таганке. У меня там, правда, остался в репертуаре только один спектакль – "Марат и Маркиз де Сад", и я играю его три раза в месяц. Во все остальные дни я вы-

Е. Лямкина

еня Миронов назвал этот дневник настоящим пособием для актёров.

хожу на сцену в мюзикле. Продюсеры "Норд-Оста", правда, относятся очень ревниво, когда я играю в чужом спектакле. У них законы маркетинга, но у меня свои законы, свой кодекс. В апреле у меня на Таганке премьера "Фауста" Гёте, где я буду играть Маргариту, и если наши продюсеры будут возражать, то я не стану продлевать контракт с "Норд-Остом".

— Интересно понять, почему девочка из Алма-Аты решает вдруг стать актрисой? Может, был какой-то толчок, какой-то замечательный спектакль, после которого вы заболели театром?

— Ну что вы... В театр нас в детстве ввели целыми пионерскими отрядами, по абонементам, и это были самые яркие спектакли. Просто когда нужно было выбирать, куда идти после школы, я подумала: а почему бы не в актрисы?

— Вы работаете на Таганке, которая видела множество замечательных актёров. Но сменились поколения, многие артисты ушли. В той Таганке, что существует сегодня, вы ощущаете себя актрисой №1?

— Хм. Нескромный вопрос. Обычно эти ярлыки даются другими, со стороны-то виднее. Хороша бы я была, если бы сказала про себя: я актриса номер один.

— Вы чудом не погибли на репетиции спектакля "Хроники". Ваше падение с трёхметровой высоты — это не просто несчастный случай, и театр, нарушивший технику безопасности, конечно, отвечает за это. На Западе артист наверняка получил после такого инцидента колоссальную страховку. Словом, у вас были весьма серьёзные причины обидеться на театр, но вы тем не менее вернулись на Таганку.

— Страховку я получила... Заводили даже уголовное дело, и долго всё это разбиралось... Но было бы смешно, если бы я стала подавать в суд на Юрия Петровича Любимова, требовать страховку. Наверное, косвенная вина театра действительно существует. Но я для себя решила, что, видно, так должно было случиться. Я вообще не помню, как это произошло. Основной ошибкой, как я сейчас понимаю, было то, что нельзя так долго сидеть наверху. Когда сидишь там с утра до вечера в течение двух месяцев, ты теряешь ощущение опасности и запросто можешь оступиться. Даже в цирке, говорят, акробат не работает более трёх часов на высоте. Но что я сейчас буду разбираться с теми, кто виноват в этом случае? Ну, допустим, выплатят мне по суду какие-то деньги. Но разве это вернёт мне здоровый позвоночник или восстановит мои родные связи?

— Но дело, наверное, не только в деньгах. Психологически трудно было вернуться в театр?

— Театр мне помогал лечиться, давал

машину, чтоб меня возили на процедуры, оплатил операцию за границей. Поэтому я не могу их винить. По психологическим причинам я так и не смогла вернуться в этот спектакль, в эти декорации. Даже музыку не могу слышать из этого спектакля — физически нехорошо делается. А вообще я не первый раз падаю на сцене, у меня ещё в училище было такое.

— Вы ведь во многих спектаклях исполняете какие-то рискованные, почти цирковые номера. Не зря, наверное, про вас после "Марата и Маркиза де Сада" ходили слухи, что вы циркачка.

— Один журнал даже написал, что на роль Шарлотты Корде приглашена цирковая эквилибристка (*смеётся*). Меня вообще журналисты постоянно то эквилибристкой обзовут, то певицей. Но сейчас травма даёт себя знать. Мы репетируем "Фауста", и я чувствую, что физически я теперь на несколько голов ниже, чем раньше. Не могу сделать все те трюки, что легко делала до травмы. Не знаю, в какой форме я буду через несколько лет. Поэтому поневоле начинаешь торопиться, стараешься успеть сделать как можно больше.

— Какой театральный жанр, какое амплуа наиболее удачно соответствует вашей актёрской индивидуальности?

— Я думаю, что мой жанр — это как раз мюзикл. Здесь надо быть органич-

здать хороший мюзикл делаются у нас в последнее время всё чаще.

— Вы, по-моему, немало ездили по миру. Нет ли соблазна сделать шаг и начать жизнь в каком-нибудь другом месте? Тем более что с языками у вас как будто дела обстоят неплохо.

— Ну кому я там нужна? Меня всё-таки профессия держит. Я не могу говорить по-английски и по-немецки без акцента. Что же, я выйду на сцену и скажу: "Тарагой, я тэбья лублю!"? Люди же смеяться будут, как бы хорошо я ни играла. А добиться идеального произношения редко кому удаётся. У меня и в русском языке есть небольшой акцент.

— Какой?

— Ну, наверное, немножко немецкого. Немножко казахского. Немножко украинского.

— А Украина-то к вам каким боком угодила?

— А просто в Германии жило много украинцев. Это всё остаётся потом в говоре.

— У вас было хорошее детство?

— У меня были прекрасные родители. Но, знаете, я не хотела бы снова стать ребёнком. В детстве я не чувствовала себя счастливой. Это не зависело ни от родителей, ни от кого-то ещё. Это было связано с моей природой и больше ни с чем. Бесконечные вопросы в детстве мучили меня: зачем жить, если всё равно умирать? Ну и вообще я была застенчивым ребёнком. Взрослых боялась...

В спектакле "Марат и Маркиз де Сад".

ным в пении, сочетать вокал и актёрскую игру. Мне кажется, я чувствую важную грань между тем и другим.

— Но мюзикл для России не родной жанр. Если бы вы жили в Америке, то, возможно, были бы звездой Бродвея. "Норд-Ост" стал первым по-настоящему крепким, качественным мюзиклом, выросшим на русской почве. Неужели вы надеетесь, что традиция мюзикла привьётся?

— Мюзикл в англо-американском понимании этого слова для нас действительно непривычен. Но попытки со-

— Ваши родители сейчас живут в Москве?

— В Подмоскovie. После того как вывели войска из Германии, они перевелись сюда. Жильё дали только в сентябре. А до этого мы всю жизнь жили по казармам да по казармам. После казарм я долго жила в общежитии. В общем, впервые в жизни появилось отдельное жильё. Своя кухня, в конце концов...

— Вы позволите мне задать один очень нескромный вопрос? Я бы никогда не спросил вас об этом, но вы сами в одном интервью произнесли

фразу, которая меня поразила: "Золотухин стал моей первой любовью". Я не хочу вторгаться в личное, но, может быть, вы скажете, что для вас значит Валерий Золотухин в творческом отношении?

— У Золотухина можно учиться жить. О том, как он работает, о том, как держит форму, я даже и не говорю. Но за тридцать с лишним лет работы в театре ему ни разу не перешли костюм, и это о многом говорит. Каждый день он делает зарядку, держит себя на строгой диете — в общем, следит за собой. Это качество для актёра уникальное и требует большой воли. А в жизни это человек, который поможет всем, кто его об этом попросит. Не важно, костюмер это или ещё кто-нибудь. Он будет тратить своё время, деньги, договариваться с больницами или с адвокатами, но сделает всё от него зависящее. Когда со мной случилась эта травма, он приходил в больницу каждый день. Он использует то, что ему дано Богом, для людей. У него два замечательных качества — доброта и трудолюбие. Золотухин издал дневник, который вёл в течение всей своей жизни. Это тоже требует дисциплины, не всегда ведь хочется писать. Женья Миронов назвал этот дневник настоящим пособием для актёров. Я тоже вела в разные годы дневники, но скорее это происходило в какие-то трудные моменты моей жизни.

— Ирина, а вы ведь, наверное, и стихи пишете?

— Пишу.

— Прочтите что-нибудь.

— Я лучше прочту вам своё первое стихотворение, которое я сочинила во втором классе. Я любила забраться в ванну, сидеть под струёй воды и о чём-нибудь думать. Меня из ванны вытащить было невозможно. И вот однажды, сидя под струёй воды, я сочинила стихотворение. Причём под влиянием Лермонтова (*смеётся*). В детстве это был мой любимый поэт. Получилось примерно так:

*Мы живём в этом мире тревожном,
непрочном,
Что несёт он нам — радость? Беду?
А зачем? Ведь придёт день,
и будет всё кончено,
Жизнь споткнётся и канет во тьму.*

— А ещё какие-то художественные пристрастия у вас были?

— А как же. Раньше рисовала карандашные портреты. Но сейчас этим заниматься некогда.

— В общем, вы многогранная личность.

— В детстве я во множество кружков ходила. С моим небольшим ростом даже баскетболом занималась, ходила в школу олимпийского резерва. И заняла второе место на городской олимпиаде по шашкам!